

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.9 DOI 10.30982/2077-5911-2019-42-4-36-51

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВЕ

Гребенщикова Таисия Александровна,

кандидат психологических наук
старший научный сотрудник Института психологии РАН
129266 Москва, ул. Ярославская, д.13 корп.1
gretiya@mail.ru

Павлова Наталия Дмитриевна,

доктор психологических наук
заведующая лабораторией Института психологии РАН
129266 Москва, ул. Ярославская, д.13 корп.1
pavlova_natalya@mail.ru

В публичном дискурсе формируются групповые представления и социальные значения, в связи с чем растет роль коллективных обсуждений в интернете. Настоящее исследование посвящено изучению патриотического дискурса на материале интернет-сообщества политической направленности (N=158 участников). В исследовании проведен интент-анализ дискурса сетевого сообщества, на основе которого было выделено соответствующее дискурсивное сообщество как группа коммуникантов, занимающих единую позицию в отношении индивидуально значимых объектов реальности, использующих общую площадку взаимодействия и разделяющих определенные правила интерпретации событий. Проведен анализ графа интернет-сообщества, в результате выявлены узлы, соответствующие лидерам мнений, охарактеризована коммуникативная активность пользователей, обнаружена прямая связь между количеством адресатов и адресантов: те, к кому обращается большое количество людей, сами активно комментируют других. Дискурс сообщества обозначен как патриотический по преобладающей в нем апологизации образа России. По характеру референциальных объектов и относящихся к ним речевых интенций определены убеждения авторов патриотического дискурсивного сообщества, на основании которых выделились группы «своих» и «чужих» для них. Показано, что картина групповых убеждений дискурсивного сообщества сохраняется при удалении повторных оценок комментаторов, то есть оценки, полученные в результате анализа дискурса, не могут быть смещены какими-либо активными комментариями.

Ключевые слова: дискурсивное сообщество, сетевое сообщество, дискурс, речевая интенция, групповые убеждения, патриотизм.

Введение

Интернет – это реальность контента, чья значительная доля представлена в виде дискурса, который понимается как способ говорения о мире. В публичном дискурсе формируются групповые представления о реальности и социальные значения [Wagner 1995; Харре 1993; ван Дейк 2013; Емельянова 2016], что акцентирует роль коллектив-

ных обсуждений в интернете. Особое место в ежедневных спорах на территории социальных сетей и других сетевых сообществ рунета занимает политика России и выражение своей гражданской позиции. Данная область общественного дискурса вызывает к жизни тему патриотизма. Рассматривая патриотизм как социально-психологическую категорию, авторы выделяют в нем следующие компоненты: 1) чувство любви к родине; 2) готовность приносить в жертву личные интересы; 3) соответствующее поведение; 4) идентификация со своей страной, ее историей и народом [Журавлев, Юревич 2016]. В литературе встречается понимание патриотического дискурса как такого, в котором защищается позитивный образ своей страны [Мансурова 2017]. Связанная с патриотизмом позитивная выраженность гражданской идентичности является важной составляющей социально-психологического капитала общества, отношения между членами которого служат ресурсом для достижения целей – как групповых, так и индивидуальных [Татарко 2012].

Для исследования патриотического дискурса нами было выбрано сетевое сообщество, в котором разворачиваются диалоги о политике, экономике, социуме, истории России. В эпоху больших социальных сетей интернет-сообщество – это совокупность людей, связанных интеракциями в интернете (Baum 2006). Поиск неформальных критериев выделения сетевых сообществ приводит к анализу дискурсивных практик, в которых поддерживаются и развиваются как индивидуальные убеждения, так и социальные представления (Т.ван Дейк, Дж.Поттер, Р.Харре). Дискурсивная практика формируется в соответствии с разделяемыми правилами интерпретации и коммуникативными нормами данного сообщества: правилами вежливости, способами аргументации, речевыми жанрами и др. Сообщество порождает дискурс, а дискурс – сообщество. В этой связи можно говорить о жизни *дискурсивного сообщества* (discourse community), которое Джорж Свейлз [Swales 1990] определяет, исходя из наличия общей декларируемой цели его участников, единого канала коммуникации для ее достижения, а также производства информации и обратной связи с членами сообщества. В интернете, обеспечивающем канал коммуникации, с ростом влияния социальных сетей, создаются оптимальные условия для существования дискурсивных сообществ разной направленности – политических, гражданских, научных, образовательных и др. Несмотря на признаваемую Дж.Свейлзом нечеткость, термин «дискурсивное сообщество» получил распространение при изучении университетских [Pramooolsook 2008], школьных [Ardasheva et al. 2015] и он-лайн сообществ [Kehus et al. 2010].

С наших позиций дискурсивное сообщество в интернете – это общность коммуникантов, занимающих единую позицию в отношении объектов реальности, которые они считают индивидуально или социально значимыми, использующих общую площадку взаимодействия и разделяющих определенные конвенциональные правила (интерпретации событий, выбора лексики, ведения разговора). В интернете отсутствуют невербальные социальные подсказки, и для определения «своих» и «чужих» участники ориентируются на дискурсивные практики – кто, что и, главное, как говорит. О.С. Иссерс отмечает, что дискурсивная практика сочетает как фоновые знания, так и конкретную деятельность, сочетающую слова и действия [Иссерс 2011].

Цель, задачи и описание материала исследования

Мы считаем, что в пределах идеологического сетевого сообщества, объединенного общей тематикой, можно выделить одно или несколько дискурсивных сообществ. Целью настоящего исследования стало рассмотрение с этих позиций патриотического

дискурса сетевого сообщества, посвященного политике (на материале politics.d3.ru). Анализировались популярные обсуждения на тему актуальных для России политических событий за период 30.10 - 05.11.2018 г., всего 11 постов и 657 комментариев. Авторами, или продуцентами, дискурса выступило 158 человек, все участники – мужчины, согласно открытой информации. Большинство пользователей указало в профиле своей страной Россию (79%). Все рассматриваемые посты задают единую интерпретацию событий, что позволяет сделать предположение о существовании преобладающего дискурсивного сообщества.

Были поставлены следующие задачи:

1. Анализ коммуникативной активности членов сообщества и построение его социального графа.
2. Описание дискурса сетевого сообщества – референциальных объектов и направленных на них речевых интенций авторов, с дальнейшим выделением на этом основании дискурсивного сообщества.
3. Определение интенций, направленных на «чужого» в дискурсивном сообществе и вариантов защиты его границ.
4. Определение групповых оценок референциальных объектов.

Методы исследования

Для изучения дискурса применялся интент-анализ – экспертный метод выделения речевых интенций собеседников [Ушакова и др. 2000; Павлова 2003; Гребенщикова, Зачесова 2014; Павлова, Гребенщикова 2017], на основе которого устанавливались референциальные объекты и соответствующие им речевые интенции коммуникантов [Дискурс в современном... 2011; Павлова, Гребенщикова 2017]. Использовались словари, составленные для различных коммуникативных ситуаций и видов дискурса: политического, повседневного, интернет-дискурса и др. [Гребенщикова, Зачесова 2014; Гребенщикова и др. 2018; Павлова и др. 2017]. Для изучения структуры сообществ была использована программа Gephi 0.9.2. Для обработки данных – программа SPSS 23.0.

Результаты и их обсуждение

Формальный анализ политического сообщества в интернете

На рисунке 1 представлен социальный граф сообщества. Вершины графа, или узлы, соответствуют авторам сообщений, а ребра, или дуги, показывают взаимодействия между ними.

Данный граф является ориентированным, т.е. показывает, кто и кого комментирует (стрелка указывает направление связи). Крупные узлы – это авторы популярных сообщений и активные комментаторы, «хабы»; их можно назвать лидерами мнений и проводниками информации. Говоря об авторитетности, обращают внимание на количество входящих ребер: это авторы, мнение которых обсуждают. Между количеством входящих и исходящих ребер существует значимая корреляция ($r=0,685$, $p<0,001$, коэффициент корреляции Спирмена) – т.е., как правило, комментируемые авторы сами являются активными комментаторами, и наоборот, – те, кто оставляет единичные реплики, получает мало ответов. При построении графа не учитывались повторные взаимодействия.

Дискурс авторов-«хабов» можно считать задающим нормы и ценности для группы – их тексты, будучи позитивно воспринимаемыми в сообществе, служат отправной точкой для обмена мнениями. Оттенками серого на рисунке 1 отмечены классы



Рис. 1. Граф сетевого политического сообщества

модулярности, в них входят коммуниканты, формирующие кластеры на основе взаимодействия. Этот функционал интерпретируется как мера неслучайного образования групп. Расстояние между узлами визуализирует так называемую «укладку» пользователей – ближе расположены те, кто совместно формирует взаимодействующую внутри себя клику (подмножество) с большим числом вершин. Плотность графа, равная для данного графа 0,018, – это число вершин в наибольшей клике [Евстигнеев, Касьянов 1999]¹. Диаметр графа, т.е. максимальный и при этом кратчайший путь между вершинами графа, или количество дуг, равен 9, что говорит о длинных коммуникационных цепочках. Средняя длина такого пути составляет 3,728, что позволяет считать социальный мир, визуализируемый графом, довольно тесным.

¹ Программа Герби отражает отношение числа ребер в анализируемом графе к числу ребер в полном графе с тем же числом вершин (в полном графе каждая вершина связана с любой другой).

Дополнительный анализ подтвердил, что граф сообщества является безмасштабным – степени вершин распределены по степенному закону ($N=45,606D^{-1,11}$, N – количество человек, или узлов, с данным количеством связей, D – степень вершин), что в принципе соответствует характеристикам сетей в WWW [Barabasi1999]. Небольшое число узлов в безмасштабной сети характеризуется многочисленными связями, а многие узлы имеют лишь ограниченное число связей. Максимальное количество суммарно входящих и исходящих дуг в сообществе – 55 (33 сообщения, 22 обращения).

Дискурс патриотического сообщества

При выделении референциальных объектов мы ориентировались на традицию интент-анализа, по которой в разговорных формах дискурса в качестве основных выделяются объекты «Я», «Собеседник» и «Ситуация» (Гребенщикова, Зачесова 2014; Павлова и др. 2017), в политическом – «Я и мои сторонники», «Оппонент» и «Ситуация в стране» [Павлова 2003; Григорьева, Павлова 2014]. Поскольку число референциальных объектов в тексте огромно, мы ориентировались на самые упоминаемые – от 20 раз. Важные для анализа дискурса объекты с частотой встречаемости менее 20 раз включены в категорию «Другое».

Согласно полученным результатам в дискурсе сетевого патриотического сообщества выделено 8 референциальных объектов.

1. Объект «Власть» включает упоминание различных органов и представителей действующей государственной власти в России, в числе которых Государственная Дума, отдельные ее депутаты, Правительство, суды, местные власти и т.п. Упоминания власти в прошедшие эпохи отнесены в категорию «Другое».

2. Объект «Россия» упоминается, в основном, как единая страна, участник событий на международной арене. Случаи описания ситуации в стране выражены в меньшей степени, но тоже включены в этот объект.

3. К объекту «Развитые страны» относились ссылки на страны Европейского Союза (Западной Европы) и США. Сюда также была причислена Япония, единожды выступившая темой отдельного поста.

4. Объект «Свое сообщество» включает случаи, когда говорящие обсуждали собственное сообщество, противопоставляя его другим, защищая от критики.

5. Объект «Чужое сообщество»: интернет-сообщество, члены которого отличаются противоположными по сравнению с членами патриотического сообщества взглядами на политические события.

6. Референциальный объект «Собеседник» включает обращения к конкретному комментатору, в частности к авторам обсуждаемых постов (ТС – «топик стартеров»), которые также участвуют в беседе.

7. Под объектом «Я» понимается сам говорящий, которой в разной степени, но всегда присутствует в речи. Мы отмечали этот объект в тех случаях, когда говорящий открывал свою тему, защищал свою точку зрения, делился переживанием, осуществлял самопрезентацию – то есть уходил от обсуждаемого предмета, реализуя свои цели.

8. Объект «Украина» содержит упоминания данной страны и лиц, ее представляющих (Украина как страна, Президент Украины, лидеры украинских политических партий, народ Украины и др.).

Категория «Другое», как упоминалось выше, разнородна по составу и включает упоминания или коннотации, относящиеся к объектам с частотой встречаемости менее

20 раз. К наиболее частотным среди них относятся: Илон Маск, «девяностые» (1990-е годы в России), СССР, Китай, Папуа-Новая-Гвинея, Турция, Сирия, Саудовская Аравия и др. Объект включает также упоминания различных групп (спортсмены, либералы) и конкретных журналистов, писателей, режиссеров и т.п. Примечательно, что объект «россияне», включающий отсылки к российскому обществу и обсуждаемым в рунете его представителям, занимает такую же позицию, как Илон Маск.

На основе экспертной квалификации было описано три группы интенций, в каждой из которых можно выделить оценочный компонент, имеющий отношение к референциальному объекту.

Поскольку дискурс служит для объединения группы и выступает способом опознания «своих» и «чужих» [Беликов, Крысин 2001; Ван Дейк 2013], представленность в нем референциальных объектов отражает их значимость для жизни сообщества и групповой идентификации. Как показывают данные Табл. №1, самая большая доля интенций субъектов общения направлена на объект «Собеседник», что соответствует разговорному жанру дискурса. На втором месте – само сообщество politics.d3.ru, которое большинство комментаторов воспринимает «своим», обращается к нему, защищает общие убеждения, а на третьем – объект «Россия».

Таблица №1

Представленность референциальных объектов в дискурсе патриотического сообщества по числу направленных на них интенций субъектов общения

Референциальный объект	Власть	Россия	Я	Чужое сообщество	Свое сообщество	Развитые страны	Собеседник	Украина	Другое	Всего интенций
<i>Кол-во интенций</i>	36	132	85	20	149	113	499	65	108	1207

Обратимся к рассмотрению описанных на основе экспертной квалификации категорий интенций, в каждой из которых можно выделить оценочный компонент, имеющий отношение к референциальному объекту. Первая группа интенций – негативные. Она объединяет случаи направленности говорящего на *критику* и *дискредитацию* собеседника или другого референциального объекта. Были выделены следующие основные категории интенций, которые присущи как полемике, так и оценке событий: *критиковать, отклонить, обвинить, выразить недовольство, возразить, выразить сомнение, запросить (доказательство), указать, намекнуть, высмеять, унижить*. Последние 2 категории интенций выступают проявлением речевой агрессии, которая может обнаруживаться в формах различной иллокутивной силы: *пренебрежение, презрение, оскорбление*. Негативными также считались интенции *недоумения* и *возмущения*.

Негативные интенции находят выражение в яркой эмоциональной окрашенности, иронической и саркастической форме речи. Например, в комментариях к новости «Перечень физических и юридических лиц Украины, в отношении которых вводятся санкции Правительством РФ» есть ирония в адрес П.А. Порошенко, который отсут-

ствуется в данном перечне: *«Петр Алексеевич – почетный агент Кремля»*². Сарказм как высмеивание позиции собеседника, предполагает, в отличие от иронии, немедленное обнаружение своей негативной оценки: *«Шумеры, предлагаю начинать давать имена известным переможников тракторам, маршруткам и мусоровозам, котельным, трансформаторным будкам и пунктам приема металлолома. Так победите»* (в ответ на новость о назывании буровых скважин на территории Украины).

Наиболее часто встречаются негативные интенции при направленности на собеседника в конфликтных дискуссиях при защите убеждений (Таблица 3). Например, высмеивается позиция собеседника (*«Даёшь невидимую руку рынка – живём короткими сделками, закупаем всё на бирже через баксы... Чем вас там кормят?»*). Возможен и переход на личности: *«Ай ты мой радостный дурачок. Побольше бы таких»* – *«От дурачка слышу»*. В конструктивной дискуссии критика может осуществляться в сдержанной форме (*«У вас сквозь пальцы провалилась очень важная для данного примера цифра – процент рассрочки...»*), но чаще звучат возражения (*«Где сказано «убить»? Нигде не сказано!»*).

Вторую группу составляют нейтральные интенции. Они служат анализу ситуации, информированию, пояснению своей точки зрения, уточнению позиции собеседника, а также поддержанию разговора. К этой группе интенций относятся следующие категории: *сообщить, поделиться, выразить мнение* (безоценочно), *уточнить* (в форме запроса), *поинтересоваться, пояснить, предположить*, а также направленные на разговор интенции *рассказать, поболтать*. Собеседники пытаются донести свою позицию (*«Важно понимать, что если вы не боретесь и не защищаете свои интересы, то это с вами борются и на интересы ваши плюют»*) и выяснить мнение другого.

Третья группа – позитивные интенции, которые направлены на защиту своей позиции, консолидацию с собеседником, привлечение на свою сторону, выигрышную самопрезентацию в форме подчеркивания собственного опыта, авторитета, компетентности и т.д., а также положительные характеристики референциальных объектов. Мы обнаружили интенции *согласиться, защитить* (свою позицию, собеседника, сообщество), *оправдать(ся), поддержать* (мнение собеседника, сообщество, инициативу правительства и т.п.), *похвалить*. Эти интенции встречались, например, при оправдании и утверждении позиции: *«Борьба за обладание ресурсами не выдерживает критики»* – *«Просто мир изменился, некрасиво напрямую эксплуатировать»*, стремлении к консолидации: *«Но согласитесь, если сейчас по всему пути уже можно пройти, то это всяко лучше на старте проекта, чем если бы его просто карандашом по карте»*, подчеркивании компетентности: *«Когда я писал книжку для Всемирного банка, ездил в Орел на металлургический...»*, и, наконец, при позитивной характеристике: *«...включение собственных портов в этот проект – это круто»* и др.

Стоит отметить, что аргументация может быть направлена как на критику оппонента (ситуации), так и на защиту своей позиции или разбор ситуации при поиске решения: т.е. интенция *аргументировать* встречается во всех трех группах интенций. Случаи позитивных и негативных оценок в одной интенции могут встречаться одновременно, когда собеседники консолидируются вокруг критики третьего референциального объекта (*«Поддерживаю. Вот еще пример вранья...»*). Возражение собеседнику звучит вместе с тем и как положительная характеристика действительности (*«Цель не в том, чтобы выглядеть «патриотично», а чтобы уйти от доллара в расчетах»*).

² Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация авторов.

Относительно категорий интенций, выделенных при анализе, следует заметить, что к описанным ранее в повседневном, постсобытийном и др. видах дискурса добавилась одна принципиально новая интенция, обозначенная как «*окоротить*». Эта интенция выражается модератором сообщества и возникает при попытке призвать к порядку в дискуссии.

Таблица №2

Распределение абсолютных частот интенций, направленных на критику и дискредитацию (негативные), и на поддержку и анализ (нейтральные и позитивные) по референциальным объектам

Интенции субъектов общения	Референциальные объекты									
	Власть	Россия	Я	Чужое сообщество	Свое сообщество	Развитые страны	Собеседник	Украина	Другое	всего
Критика и дискредитация	27 (4,2)	53 (8,2)	2 (0,3)	17 (2,6)	27 (4,19)	98 (15,2)	285 (44,3)	64 (9,9)	71 (11,0)	644 (100)
Поддержка и анализ	9 (1,6)	79 (14,0)	83 (14,7)	3 (0,5)	122 (21,7)	15 (2,7)	214 (38,0)	1 (0,2)	37 (6,6)	563 (100)
Всего	36	132	85	20	149	113	499	65	108	1207

Примечания. В скобках указана представленность интенций в процентах от числа всех интенций каждой из двух групп.

В Таблице №2 показано распределение абсолютных частот двух групп интенций³: 1 – критика и дискредитация (негативные), 2 – поддержка и анализ (нейтральные и позитивные), по референциальным объектам.

Анализируя дискурс сообщества по сочетанию «референциальный объект и направленная на него речевая интенция», можно выделить ядерные представления группы, или групповые убеждения. Особенность патриотического дискурса исследуемого сообщества в том, что поддержка позитивного образа страны осуществляется в большой степени за счет дискредитации других стран, поиска подтверждений по типу «в

³ Для дальнейшего анализа интенции поддержки и анализа (нейтральные и позитивные) объединены в одну группу, что связано с недостаточной для статистических подсчетов частотой нейтральных интенций, направленных на отдельные референциальные объекты.

других странах тоже плохо» (*«Так, у доллара инфляция плохо прогнозируемая тоже. По уровню инфляции доллар и рубль сейчас равны»*). Более 15% всех негативных интенций направлено на «Развитые страны», которые находятся на втором месте по этому показателю после объекта «Собеседник» (Таблица 2). Апологизация России и своей позиции при интерпретации политических событий реализуется в интенциях поддержки, оправдания ситуации и ее анализа (*«Ты понимаешь, если у богатых в твоей стране не будет денег, чтобы позволить себе яхту или самолет, то у тебя не будет денег даже на штаны»*; *«Радуется что в Азию нарастают поставки, самое перспективное направление»*). Коммуниканты поддерживают интересы страны как важного игрока на мировой политической арене (*«Это как минимум, несправедливо, называть страну, последние несколько сот лет находящуюся в самом центре всех возможных экономических и политических разборок, называть периферийной»*). При этом 14% интенций направлено на защиту позитивного образа России, но поддержка собеседника как союзника и своего сообщества, реализована в большем количестве интенций: эти два объекта занимают первое (38%) и второе (21,7%) место соответственно. Преобладание на территории сообщества интенций критики и дискредитации объясняется за счет диалогических интенций, направленных на собеседника из числа «чужих». Это соответствует открытости границ данного сообщества и активным взаимодействием на своей территории с «чужими», которые критикуют сложившуюся ситуацию в стране или оспаривают лидерство России в мире (*«Специально для туповатых – дивиденды от 50% акций газового хаба в Австрии поступали бы на счета Газпрома. Дальше надо объяснять или все таки пошевелите извилинами?»*). Интересно, что в дискурсе представителей «патриотического» сообщества объект «Власть» находится на предпоследнем месте по выраженности, фокус смещен в сторону России как единой страны, хотя критика первой присутствует (*«А вот сейчас было больно для наших чиновников, которые многие ездят рожать в США»*) – в ответ на новость: «Трампа запрещает гражданство США по праву рождения»).

«Свои» и «чужие»: институциональные и интенциональные способы защиты границ сетевых сообществ

На территории сетевого сообщества было выявлено 39 человек, критикующих ситуацию в России, в силу чего члены патриотической подгруппы (119 человек) считаются «чужими». Надо отметить, что слово «патриот» и однокоренные к нему встречаются всего в 8 комментариях из 657, и они имеют только негативные коннотации. Это не связано с тем, кто эти слова употребляет – члены преобладающей «патриотической» подгруппы или их идейные оппоненты. Вне зависимости от убеждений, собеседники избегают в дискуссиях понятия «патриот» и, более того, снижают его аксиологический статус: *«цель не в том, чтобы выглядеть патриотично», «страну разворовывают патриоты»*. В реплике: *«птриоты привычно ищут зраду (укр., 'измена')»* звучит сарказм, о чем свидетельствует искаженное написание слова «патриот». Показательна также незначительная частота такого референциального объекта, как «Народ» или «Россияне».

Некоторые пользователи находят для себя идеологических противников на территории самого изучаемого сообщества: обе стороны доказывают свою позицию, критикуют, дискредитируют оппонента, и лишь изредка пытаются выяснить основания их мнения. Многие проявляют активность в комментировании и регулярно выставляют друг другу рейтинг («бросают в карму»), выстраивая границы между «своими» и

«чужими». Анализ жизни сообщества позволяет судить о наличии *институциональных правил* ограничения в виде бан-листа – персонального запрета на комментарии. Причины банов, указываемые модераторами, красноречиво свидетельствуют о высокой степени конфликтности идеологического дискурса сообщества («оскорбление», «израильская военщина на марше», «тролль» и др.). Нетерпимо сообщество также к «ботам» – авторам или техническим программам, которые публикуют одни и те же повторяющиеся сообщения или регулярно выставляют негативные оценки сообщений без участия в дискуссиях.

В круг «своих» для патриотов входят как отдельные собеседники, так и сообщество в целом (референциальные объекты «Собеседник», «Свое сообщество»). «Чужим» может выступать другое сообщество и собеседник, отличающееся противоположными взглядами (референциальные объекты «Собеседник», «Чужое сообщество» (Таблица №3). Последняя группа, как отмечалось выше, на территории сетевого сообщества, представлена в меньшинстве.

Таблица №3

Частота интенций субъектов общения, направленных на «своего» и «чужого»

Кто оценивает / Кого оценивают	«свой»			«чужой»			всего
	Критика и дискредитация	Поддержка и анализ позиции	Всего	Критика и дискредитация	Поддержка и анализ позиции	Всего	
«Патриоты»/ politics.d3.ru	52	257	309	162	21	183	492

Было проанализировано 56 атак «чужих» на границы сообщества politics.d3.ru. Вокруг «нападающего» формируется группа защиты от 1 до 7 человек: чаще защитником выступает один человек (20 случаев), реже двое (6 случаев) и более (от 2 до 4 случаев). При защите границ своего сообщества участники реализуют интенции, которые соответствуют жанру эристической полемики, когда собеседники пытаются скорее победить, чем переубедить друг друга. При этом возможны *скандалы*–делегитимация собеседника (по типу «да ты кто такой?») и переход на личности [Жельвис 2001]. Право оппонента на серьезную позицию может дискредитироваться («А покажи свои лапки вверх, наверное, они смешные»), достоинство собеседника – умаляться («Вы стоите на самой низкой ступени развития...вы ещё только формирующееся, слабое в умственном отношении существо»).

Встречаются также случаи, когда спорщики пытаются конструктивно изложить свою позицию, выяснить доводы собеседника и даже призвать его на свою сторону (последнее – всего 2 случая). Однако основная доля интенций (88,6%), направленных

на «чужого» в патриотической группе, принадлежит критике и дискредитации (Таблица №4). Интенции субъектов общения формируют интенциональные комплексы. Распространены случаи, когда автор что-то пишет «чужому», обращаясь свысока, обнаруживая одновременно, например, интенции пояснить и выразить пренебрежение: *«Надеюсь, вы по такой же логике и так же последовательно оцениваете инициативы Илона нашего Маска».*

Таблица №4

Частота встречаемости интенций критики и дискредитации, направленных на «чужого» в патриотическом дискурсивном сообществе

Интенция/ интенциональный комплекс	Частота встречаемости
возразить, критиковать, аргументировать	81
высмеять, выразить сарказм	23
пояснить, выразить пренебрежение	17
унизить	9
запросить (доказательства)	7
выразить сомнение	7
обвинить	3
указать на ошибку	3
окоротить	2
выразить сожаление	0
другое	10
Всего	162

Конструктивные диалоги с «чужими» на территории «патриотов» интересны в силу открытости их границ. В нашем материале один из «хабов» сообщества открыл дискуссию, к участию в которой пригласил представителей всех взглядов: *«Хотелось бы услышать разные мнения... западников и славянофилов, либералов и консерваторов, левых и правых. Будет здорово, если сами обозначите свои политические взгляды».*

Согласованность мнений

Рассмотрим оценки пользователей по недиалогическим интенциям, т.е. по направленным на объекты реальности, относительно которых формируются убеждения авторов. Мы исключили повторные и амбивалентные оценки, оставив только «критикующих/дискредитирующих» или только «поддерживающих/анализирующих».

Таблица №5

Количество пользователей, оценивающих основные референциальные объекты, в сетевом и дискурсивном сообществе (на «своей» территории)

Референциальные объекты	Участники politics.d3.ru			Только «свои» («патриоты»)		
	Критика и дискредитация	Поддержка и анализ	Всего	Критика и дискредитация	Поддержка и анализ	Всего
Власть	16	6	22	4	6	10
Россия	27	29	56	4	19	23
Развитые страны	44	12	56	35	2	37
Украина	32	1	33	31	0	31
всего	119	48	175	74	27	101

Значение в ячейке соответствует количеству высказавшихся определенным образом человек, каждый объект оценивался разными коммуникантами. При этом сохраняется возможность сопоставить представленность референциальных объектов в дискурсе. В целом, сохраняется «ядро»: «Россия», «Развитые страны» и «Украина» (Таблица №5). Референциальный объект «Россия», отличается внутренним содержанием для «своих» и «чужих» (ситуация в стране или Россия как страна на международной арене). На первом месте стоят вопросы, связанные с «Европой, США» (критика и дискредитация), а также «Украиной» (критика и дискредитация) и «Россией» (поддержка и анализ) как участницей международных отношений. Можно отметить, что незначительное число «патриотов» интересуется россиянами, этот референциальный объект не получил самостоятельного выражения и входит в состав объекта «Другое».

Выводы

1. Граф сетевого сообщества является безмасштабным, т.е. степени вершин распределены по степенному закону, что соответствует характеристикам социальных сетей. Небольшое число узлов в безмасштабном графе характеризуются многочисленными связями, а многие узлы имеют лишь небольшое число связей. В крупных узлах графов находятся лидеры мнений, или «хабы» – проводники информации, в виде узлов сети с максимальной степенью вершин (суммарным числом количества исходящих и входящих ребер – связей между пользователями). Существует прямая корреляция между количеством исходящих и входящих ребер: т.е. авторы, вызывающие отклик у многих пользователей, сами многих и комментируют.

2. По результатам интент-анализа были охарактеризованы 8 основных референциальных объектов, относительно которых формируются патриотическое дискурсивное сообщество: «Власть», «Россия», «Я», «Собеседник», «Свое сообщество», «Чужое сообщество», «Развитые страны» и «Украина».

3. В сетевом сообществе politics.d3.ru преобладает дискурсивное патриотическое сообщество. Основную долю речевых интенций составляет критика и дискредитация, но их выраженность объясняется за счет диалогических интенций, направленных на собеседника, что соответствует открытости границ данного сообщества и активным взаимодействием с «чужими» на своей территории.

4. У «патриотов» на первом месте стоят вопросы, связанные с «Развитыми странами» (интенции критики и дискредитации), «Украиной» (интенции критики и дискредитации) и «Россией» как участницей международных отношений (интенции, связанные с поддержкой, защитой и анализом ситуации). Характерно, что такой объект, как «Россияне» не выражен в сообществе, с ним нет солидаризации, что говорило бы о более выраженной гражданской идентичности. В ходе идеологических столкновений участники реализуют одиночные и групповые тактики, которые соответствуют жанру эристической полемики: они стремятся победить, а не переубедить собеседника. Наиболее распространенные случаи реализуются в интенциональных комплексах – сочетаниях *возразить, критиковать, аргументировать* и *высмеять, унизить*.

5. После удаления повторных и амбивалентных оценок комментаторов из анализа, сохранилась картина убеждений для представителей каждого дискурсивного сообщества. То есть оценки, полученные в результате анализа дискурса, не могли быть смещены какими-либо активными комментаторами, и по дискурсу сообщества можно судить о групповых убеждениях.

Литература

Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с.

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 439 с.

Гребеницкова Т.А., Зачесова И.А. Психология повседневного дискурса: Интенциональный аспект. М.: Институт психологии РАН, 2014. 208 с.

Гребеницкова Т.А., Павлова Н.Д., Афиногенова В.А. Различия интенционального содержания постсобытийного дискурса и дискурса форума в интернете // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Изд-во Государственного социально-гуманитарного университета, 2018. С. 122-127.

Григорьева А.А., Павлова Н.Д. Интенциональные модели психологического воздействия в дискурсе массмедиа // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. Сер. «Труды Института психологии РАН»/ Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Институт психологии РАН, 2014. С. 45-53.

Дискурс в современном мире. // Психологические исследования / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Институт психологии РАН, 2011. 368 с.

Евстигнеев В.А., Касьянов В.Н. Толковый словарь по теории графов в информатике и программировании. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. 288 с.

Емельянова Т.П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Институт психологии РАН, 2016. 475 с.

Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.

Журавлев А.Л., Юревич А.В. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т.37. №3. С. 88-98.

Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета. 2011. №4. С.227-232.

Мансурова В.Д. Патриотический дискурс в сетевом пространстве СМИ // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2017. №46. С.188-198.

Павлова Н.Д. Интент-анализ дискурса // Коммуникативные исследования / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2003. С. 19-25.

Павлова Н.Д., Афиногенова В.А., Гребенщикова Т.А. Речевое взаимодействие в неформальном повседневном дискурсе: интенциональный аспект// Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 41-54.

Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А. Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. М.: Институт психологии РАН, 2017. 151 с.

Татарко А.Н. Индивидуальные ценности и социально-психологический капитал: кросс-культурный анализ / Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т.9, №1. С. 71-88.

Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Алексеев К.И., Латынов В.В., Цепцов В.В. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб.: Алетейя, 2000. 316 с.

Харре Р. [Harre R.] Грамматика и лексика - векторы социальных представлений. Вопросы социологии. 1993. 2(1/2). С. 118-128.

Ardasheva, Y., Howell, P.B., Magaña, M.V. (2016). Accessing the classroom discourse community through accountable talk: English learners' voices. TESOL Journal/ Quarterly. 7(3), pp. 667-699. doi:10.1002/tesj. 237

Barabasi, A.L. (2007). The Architecture of Complexity: From Network structure to human dynamics. IEEE Control Systems Magazine. 27(4), pp.33-42.

Baym, N.K. (2006). The Emergence of community in computer-mediated communication. In: S. Jones (Ed.). Cyber Society, Newbury Park, CA: Sage, pp. 138-163.

Kehus, M., Walters, K., Shaw, M. (2010). Definition and Genesis of an Online Discourse Community. International Journal of Learning. No. 17, pp. 67-85. doi: 10.18848/1447-9494/CGP/v17i04/46968

Pramoolsook, I. (2008). A multi-layered discourse community: Defining biotechnology and environmental engineering discourse communities at SUT. Suranaree J. Soc. Sci. 2(1), pp. 85-97.

Swales, J.M. (1990). Genre analysis: English in academic and research settings. Boston: Cambridge UP.

Wagner, W. (1995). Social representations, group affiliation and projections: knowing the limits of validity. European Journal of Social Psychology. 25(2), pp. 125-139.

PATRIOTIC DISCOURSE IN THE POLITICAL INTERNET COMMUNITY

Taisiya A. Grebenshikova,

senior research associate of psychology of speech and psycholinguistics
Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences
13k1, Yaroslavskaya, Moscow, Russia 129366
gretiya@mail.ru

Nataliya D. Pavlova,

head of laboratory of psychology of speech and psycholinguistics
Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences
13k1, Yaroslavskaya, Moscow, Russia 129366
pavlova_natalya@mail.ru

The role of discussions on the Internet is growing due to the formation of group opinions and social representations via public discourse. We applied intent-analysis to the networked online community to distinguish particular discourse community. The former is considered a group or alliance of communicants who interact with each other at a common platform and share both views on the individually meaningful social objects in the reality and the rules of events interpretations. Patriotic discourse was analyzed on the material from the political internet community (N =158 users). Network analysis applied to the online community defined nodes with high degree as opinion leaders and revealed positive correlation between in- and out-degree communication activity. Discourse of the community is defined as patriotic due to the prevalent support of positive image of Russia. Patriots' opinions were extracted from their speech intentions and related referential objects and therefore used as markers of ingroup and outgroup members. The group opinions in the patriotic discourse community could not be shifted by the most active users as it remains the same after removing of doubled speech intentions of users.

Keywords: discourse community, networked online community, discourse, speech intention, group opinions, patriotism

References

Ardasheva, Y., Howell, P.B., Magaña, M.V. (2016) Accessing the classroom discourse community through accountable talk: English learners' voices. *TESOL Journal/ Quarterly*, 7(3). P.667-699. doi:10.1002/tesj. 237

Barabasi, A.L. (2007) The Architecture of Complexity: From Network structure to human dynamics. *IEEE Control Systems Magazine*, 27(4). P. 33-42.

Baym, N.K. (2006.) The Emergence of community in computer-mediated communication. In: S. Jones (Ed.). *Cyber Society*, Newbury Park, CA: Sage. P. 138-163.

Belikov V.I., Krysin L.P. Sociolingvistika [Sociolinguistics]. M.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2001. 439 s. (In Russian).

Dijk T. Diskursivlast': Reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii [Discourse and Power: Representation of dominance in language and communication]. M.: Li-brokom, 2013. 344 s. (In Russian).

Diskurs v sovremennom mire. Psihologicheskie issledovaniya [Discourse in the contemporary world]. N.D. Pavlova, I.A. Zachesova (Eds). M.: Institut psihologii RAN, 2011. (In Russian).

Emel'yanova T.P. Social'nye predstavleniya: Istoriya, teoriya i empiricheskie issledovaniya [Social representations: history, theory and empirical studies]. M.: Institut psihologii RAN, 2016. (In Russian).

Evstigneev V.A., Kas'yanov V.N. Tolkovyj slovar' po teorii grafov v informatike i programmirovanii [Explanatory Dictionary of Graph theory in informatics]. Novosibirsk: Nauka. Sib. predpriyatie RAN, 1999. (In Russian).

Grebenshchikova T.A., Pavlova N.D., Afinogenova V.A. Razlichiya intencional'nogo soderzhaniya postsobyitnogo diskursa i diskursa foruma v internete [Differences of intentional content of posteventual discourse and discourse of online forum]. In: R.V. Ershova (Ed.) *Cifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskij kontekst razvitiya cheloveka*. Kolonna: Gosudarstvennyj social'no-gumanitarnyj universitet, 2018. S. 122-127. (In Russian).

Grebenshchikova T.A., Zachesova I.A. Psihologiya povsednevnogo diskursa: Intencional'nyj aspekt [Psychology of everyday discourse: intentional aspect]. M.: Institut psihologii RAN, 2014. 208 s. (In Russian).

Grigor'eva A.A., Pavlova N.D. Intencional'nye modeli psihologicheskogo vozdejstviya v diskurse massmedia [Intentional models of psychological impact of media discourse]. In: Psihologicheskoe vozdejstvie v mezhlichnostnoj i massovoj kommunikacii. Ser. "Trudy Instituta psihologii RAN" Otvetstvennye redaktory: A.L. ZHuravlev, N.D. Pavlova. M.: Institut psihologii RAN, 2014. S. 45-53. (In Russian).

Harre R. Grammatika i leksika - vektory social'nyh predstavlenij [Grammar and lexic - vectors of social representations]. Voprosy sociologii. 2013. 2(1/2). S. 118-128. (In Russian).

Issers O.S. Diskursivnaya praktika kak nablyudaemaya real'nost' [Discursive practice as an observed reality]. Vestnik Omskogo universiteta. 2011. №4. S. 227-232. (In Russian).

Kehus, M., Walters, K., Shaw, M. (2010). Definition and Genesis of an Online Discourse Community. International Journal of Learning. No.17, P. 67-85. doi: 10.18848/1447-9494/CGP/v17i04/46968

Mansurova V.D. Patrioticheskij diskurs v setevom prostranstve SMI [Patriotic discourse in world net space]. Vestnik Tom. gos. un-ta. Filologiya. 2017. №46. S.188-198. (In Russian).

Pavlova N.D. Intent-analiz diskursa [Intent-analysis of discourse]. In: I.A. Sternin (Ed.), Kommunikativnye issledovaniya. Voronezh: Istoki, 2003. S. 19-25 (In Russian).

Pavlova N.D., Afinogenova V.A., Grebenshchikova T.A. Rechevoe vzaimodejstvie v neformal'nom povsednevnom diskurse: intencional'nyj aspekt [Speech interaction in the informal everyday discourse: intentional aspect]. Psihologicheskij zhurnal. 2017. V. 38. № 5. S. 41-54 (In Russian).

Pavlova N.D., Grebenshchikova T.A. Intent-analiz: osnovaniya, procedura, opyt ispol'zovaniya [Intent-analysis: basis, procedure and experience of use]. M.: Institut psihologii RAN, 2017. 151 s. (In Russian).

Pramoolsook, I. (2008). A multi-layered discourse community: Defining biotechnology and environmental engineering discourse communities at SUT. Suranaree J. Soc. Sci., 2(1), P. 85-97.

Swales, J.M. (1990) Genre analysis: English in academic and research settings. Boston: Cambridge UP.

Tatarko A.N. Individual'nye cennosti i social'no-psihologicheskij kapital: kross-kul'turnyj analiz [Individual values and sociopsychological capital: crosscultural analysis]. Psihologiya. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2012. Vol.9, №1. S. 71-88 (In Russian).

Ushakova T.N., Pavlova N.D., Alekseev K.I., Latynov V.V., Cerpov V.V. Slovo v dejstvii. Intent-analiz politicheskogo diskursa [Word in action: intent-analysis of political discourse]. SPb.: Aletejya, 2000 (In Russian).

Wagner, W. (1995) Social representations, group affiliation and projections: knowing the limits of validity. European Journal of Social Psychology, 25(2). P. 125-139.

ZHel'vis V.I. Pole brani: Skvernoslovie kak social'naya problema v yazykah i kul'turah mira [Field of fight: foul language as social problem in languages and cultures]. M.: Ladomir, 2001. 349 s. (In Russian).

ZHuravlev A.L., YUrevich A.V. Patriotizm kak ob'ekt izucheniya psihologicheskoy nauki [Patriotism as object of psychology]. Psihologicheskij zhurnal. 2016. T.37. №3. S. 88-98. (In Russian).